

МАМА БЫЛА ПРАВА

К двадцати пяти понимаешь: Мама была права.
Не сиди до утра, не вырастет сон-трава
через несколько лет в овраге сухих извилин.
Мы бунтовали, не верили и язвили.
И теперь я, проснувшись, пью залпом морковный фреш,
И семь раз поморщишься, да тыквенный супчик съешь.
И зачитываешься здоровой поваренной книгой.
Не хочу знать, как вкусен бургер из «Бургер Кинга».

Я смотрю на армянок, грузинок с буйными волосами,
Высокогорными, огненными глазами.
Они никогда не курили, не пили крепче святой воды –
лёгкостью воздаётся им за труды.
За какую из прежних вписок платить разломом?
Не хочу знать, хочу не выходить из дома.

Мне двадцать четыре. Я выгляжу очень даже.
И не то чтобы я какой наркоман со стажем –
Даже до алкоголика, в общем-то, далеко.
Очень важно пить только тёплое молоко.
Блеск в глазах, говорят, появляется от любви.
И она очень даже есть, но когда в крови
Дефицит витаминов и недостаток сна,
от кругов под глазами не спасает даже весна.
Если так наступает старость через усталость –
Не хочу знать, сколько ещё осталось.

По ночам немеют конечности. Падает зрение.
Из вредных привычек осталось одно курение.
Не хочу знать, чем кончится это стихотворение.

У МЕНЯ НЕТ

У меня нет врагов, недугов, сверхсрочных дел
и того, на что я бы наплевать хотел.
У меня нет больших деньжищ и больших долгов,
понедельникков сонных, вымокших четвергов,
у меня нет чернеющей зависти ни к кому.
Я вообще иногда и сам себя не пойму.
У меня нет того, о чем бы пришлось жалеть.
Солнце в волосы – каска, и воздух – бронезилят.
У меня нет холодных и огнестрельных слов
даже для самых душевнобольных голов.
У меня нет отмазок и оправданий нет,
и вопросов, в которых не заключен ответ.
У меня нет оружия или вторых ключей,
никому я не вождь, не идол, не казначей.
У меня нет пристанищ, убежищ – один лишь дом.
У меня нет привычки откладывать на потом.
У меня нет талантов, что в землю бы мог зарыть.
Нет того, что в народе зовут – бизнес-хватка, прыть,
у меня нет меня: во мне нет свободных мест.
У меня есть ты, читающий этот текст.
Остальное приложится.

Даже если его
вновь придется создать – за семь дней да из ничего.

НАС ВСЕХ УЧИЛИ

Нас всех учили сдавать ЕГЭ и макулатуру,
ча-ща, жи-ши: нож справа, а вилка слева.
И если девушка в мини-юбке, то, значит, дура.
А парень должен быть чуть красивее, чем полено.

И каждый встреченный – это правда. Своя. И в доску.
Семь миллиардов различных правд на воздушный шарик,
застывший в космосе. За то, что ты думал мозгом,
тебя одернут на первый раз. На второй ударят.
От гарантийной силы к свободе слова
маршрута нет. Поезда разграблены и горящи.
Никто не вздумает починить, если кто-то сломан.
И дело не в недостатке воли среди курящих.
На трассе, вьющейся от Идеи до Идеала,
мотоциклистам меняют миры местами.
И это небо – как треугольное одеяло –
под ним теплее и в зарубежье уже не станет.
У дальних звёзд точность снайперски стопроцентна.
Я детски верю в то, что не выстрелят в астрономов,
поэтов, рыщущих по ночам вдалеке от центра,
и тех, в ком бьются не ультрамодные метрономы.
Нас всех учили. Но мы прогуливали за школой,
где кроме вечных шприцов, бутылок, бычков и грязи,
в цветах, заплеванных и залитых кока-колой,
росла любовь, не состоящая с ними в связи.

ГОРИТ ЗВЕЗДА

Горит «Звезда» и плещется «Нева».
Стихи переполняют стол и Питер,
И можно сжечь, а можно утопить их.
Или вскричать: «Поэзия мертва!»

Не карлик, но и не акселерат –
литература молодых и пьяных.
Когда стихи слагают грубияны,
обманываться слух девичий рад.

Тогда стихи бросаются с афиш
вниз головой в нечаянные лица,
двадцатилетние самоубийцы,
огромным небом спугнутые с крыш.

А лица продолжают крестный ход
по барам и Петроэлектросбытам,
пропитанные моросью и спиртом,
и ни одно поэзии не ждёт.

Для них звезда погасла, а Нева –
вода, что протекает под мостами.
Когда б они журналы пролистали,
из них бы вмиг исчезли все слова.

ПРОВИНЦИАЛ

Как под солнце пойдешь место искать, поверь:
в мегаполисе нет страшнее провинциала.
Это он тебе в будущем указывает на дверь,
на которой его золотые инициалы.

Им закон никакой не писан. Кишка толста:
хоть стекло проглоти, хоть огонь, хоть себе подобных.
Чистота листа – все равно, что и грязь листа:
все вверх дном развернут и срежут с горшков поддоны.

Мало кто из них выйдет личиком или вон.
Варикоз, крутобедность, глаза врезаны как бойницы.
Невозможность позволить навороченный телефон
позволяет плевать в лицо и затяжно сниться

миловидным столичным дурам с губами «пю».
Словно умненький текст к классической минусовке,
провинциал быстро выучит волапук
вакханалий и блата, принятого в тусовке,

коренасто, проворно пойдёт занимать места:
за себя, альтер-эго своё и свою котомку,
за того, кем побыл, за того, кем еще не стал,
и за столичного будущего потомка.

И под солнцем нет мест. И звезды горят во лбах.
И луну размололи в амфетамин барыги.
С провинциальным привкусом на губах
здесь даже то, чего еще нет на рынке.

ФЕН МАРШ ОДИНОЧЕК

Чего б не стать поэтом от сохи,
когда сплошные кляксы в личном деле.
Мне стыдно признаваться, что стихи
взойти из этой почвы не сумели.

А вышли искривленные слова,
и в рифму, словно под руку – им проще.
И я, твердя, как мантру: дважды два
равно пяти – вслепую и наощупь

иду туда, куда они ведут,
и мне неважно, кто из них Сусанин.
Все лучше, чем вино и фенибут
и шар земной под золотом сусальным.

Не кончится маршрут ни точкой Б,
ни публикацией, ни адресатом,
он должен был сломаться, как хребет,
поскольку он никем и не был задан.

Но под хвостами вялых запятых,
колесами невыстреливших точек
рождаются дороги и мосты,
разбуженные маршем одиночек.